

ПРАВА НА ИМУЩЕСТВО ПУБЛИЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация: В статье анализируются существующие в современном гражданском законодательстве подходы к оформлению имущественной обособленности юридических лиц, создаваемых публично-правовыми образованиями. Предметом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе оформления имущественного статуса рассматриваемых субъектов. Исследуется дуализм прав юридических лиц, создаваемых государством, на закрепленное за ними имущество, характер прав хозяйственного ведения и оперативного управления, их соотношение с правом собственности, характер прав на имущество государственных корпораций. Выявляются возможности использования конструкции права публичной собственности для оформления имущественной обособленности публичных юридических лиц. Методологическую базу исследования составляют обще- и частнонаучные методы: анализ, синтез, сравнение, аналогия, доказательство, исторический метод, метод системного анализа, междисциплинарный синтез. В рамках права оперативного управления выделяются две социальные связи, первая из которых представляет собой вещное, абсолютное правоотношение, ничем не отличающееся от права собственности, а вторая – корпоративное отношение. В связи с чем предлагается признать субъектов права оперативного управления собственниками закрепленного за ними имущества. Право на имущество государственных корпораций в статье отнесено к публичной форме права собственности, реализация которого обусловлена социальными, управленческими и иными общественно полезными функциями. Публичное юридическое лицо рассматривается как новая организационно-правовая форма юридического лица, призванная заменить собой все формы опосредования создаваемых публично-правовыми образованиями юридических лиц. Для оформления имущественного статуса этих лиц предлагается использовать конструкцию права публичной собственности. Такой подход создаст полноценную основу для правосубъектности рассматриваемых юридических лиц, обеспечит государственный и общественный интерес в переданном им имуществе, гарантирует полноценный механизм гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: гражданское право, юридические лица, публичные юридические лица, вещные права, право оперативного управления, право хозяйственного ведения, право публичной собственности, государственные корпорации, государственные унитарные предприятия, учреждения.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.5.11129

Вопрос о правах на имущество юридического лица, создаваемого государством, впервые был поставлен в науке после Октябрьской революции 1917 года, когда в руках советского государства были сосредоточены все основные средства производства. ГК РСФСР 1922 года не содержал указаний относительно квалификации имущественных прав государственного юридического лица, а в Постановлении ЦИК и СНК СССР от 29 июня 1927 года «Об утверждении положения о государственных промышленных трестах» в отношении данных юридических лиц лишь воспроизводилась триада правомочий собственника, при этом собственниками государственные тресты не назывались. Фактическое самоустранение законодателя от квалификации имущественных прав учреждаемых государством юридических

лиц создало питательную среду для развития различного рода научных концепций, направленных на объяснение имущественной обособленности рассматриваемых субъектов.

Поскольку законодателем тресты были наделены правомочием владения, пользования и распоряжения, основным направлением развития научной мысли стали концепции, имевшие своей основой теорию «расщепленной» собственности, в которых собственником одновременно признавалось и государство и созданный им трест, а основное внимание было уделено соотношению их прав. Советскими цивилистами были разработаны теории фидуциарной¹, то-

¹ См., например: Мартынов Б.С. Организационные принципы советского предприятия в условиях планирования товарного оборота // Право и жизнь. 1927. №3. С. 30–47.

© Рудакова Виктория Дмитриевна

* Аспирантка кафедры гражданского и семейного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

[infinity_y_y_y@mail.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

варной² и разделенной собственности³. Конец научным теориям, признававшим право собственности за государственными трестами, был положен в 1938 году докладом А.Я. Вышинского на первом совещании научных работников права, в котором указывалось, что вопрос о природе советского юридического лица должен решаться с точки зрения «утверждения единства и неизблемости государственной собственности и предоставления «юридическим лицам» принадлежащего им по закону права распоряжения – управления имуществом государства лишь по поручению»⁴. Таким образом, дальнейшее развитие научной мысли было предопределено политическим партийным лозунгом о единстве государственного собственника и направлено на разоблачение антимарксистских теорий.

Именно тезис о социалистическом государстве как едином и единственном собственнике поставил во главу угла А.В. Венедиктов при разработке теории оперативного управления, которая не только получила законодательное признание в советский период, но и до сих пор используется российским законодателем в целях определения характера имущественных прав государственных юридических лиц. Признавая за государственными органами права на владение, пользование и распоряжение, закрепленным за ними государственным имуществом, А.В. Венедиктов специально отмечает, что как бы ни были широки эти правомочия, «они никогда не образуют собой все того же права, которым является право государственной социалистической собственности... носителем которого является само социалистическое государство»⁵. Имущество, закрепленное за государственными юридическими лицами, находится у них в оперативном управлении, и используется ими «не в своих интересах, а в интересах социалистического государства, то есть в интересах всего социалистического общества»⁶.

Эпоха, названная Ю.К. Толстым периодом «триумфального шествия» категории оперативного управления⁷, была в 80-х годах

прервана началом перестройки. Именно тогда встал вопрос о необходимости совершенствования отношений государственной собственности, в том числе расширении прав предприятий относительно принадлежащего им имущества, а вместе с ним стали раздаваться призывы сдать в архив категорию оперативного управления. Так, В.П. Мозолиным была разработана концепция права хозрасчетного управления, которым наделялись государственные предприятия и объединения, находящиеся на хозрасчете, и которое, не в пример праву оперативного управления, должно было быть свободно от административных методов руководства экономикой⁸. И хотя сам автор отмечал, что дело не в названии нового права, а в его содержании и обеспеченности необходимыми юридическими гарантиями⁹, дискуссия о праве государственных юридических лиц в этот период фактически была сведена к терминологическому спору.

Концепции, направленные на «совершенствование» и «модификацию» права оперативного управления, получили свою законодательную реализацию в виде права полного хозяйственного ведения, закрепленного в 1990 году Законом СССР «О собственности в СССР». Указанное право было максимальным образом приближено к праву собственности: предприятие владело, пользовалось и распоряжалось принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению, могло совершать в отношении него любые действия, не противоречащие закону и целям деятельности предприятия. Кроме того, к праву полного хозяйственного ведения имели субсидиарное применение нормы о праве собственности, что еще больше сближало два рассматриваемых вещных права. В Законе РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» категория полного хозяйственного ведения была заменена правом хозяйственного ведения, хотя единство терминологии достигнуто не было.

Дуализм прав государственных юридических лиц на закрепленное за ними имущество был перенесен и в действующий ГК и получил негативную оценку в Концепции развития гражданского законодательства: было предложено устранить право хозяйственного ведения, оставив для государственных юридических лиц только одно право – право оперативного

² См., например: Венедиктов А.В. Правовая природа государственного предприятия. Ленинград, 1928. С. 59–115.

³ См., например: Курс советского хозяйственного права / под ред. Л. Гинзбурга, Е. Пашуканиса. М., 1935. С. 180–184.

⁴ Цит. по: Бабаев А.Б. Система вещных прав. М., 2007. С. 333.

⁵ Венедиктов А.В. Право государственной социалистической собственности. Москва, Ленинград, 1946. С. 347.

⁶ Там же. С. 347.

⁷ См.: Толстой Ю.К. Социалистическая собственность и оперативное управление // Проблемы гражданского

права / под ред. Ю.К. Толстого, А.К. Юрченко, Н.Д. Егорова. Ленинград, 1987. С. 40.

⁸ См.: Мозолин В.П. Гражданское право и хозяйственный механизм // Советское государство и право. 1984. №5. С. 18–26.

⁹ См.: Там же. С. 23.

управления. При этом разработчики Концепции предлагают дифференцировать рассматриваемое право на виды в зависимости от того, насколько ограничено входящее в его состав правомочие распоряжения. Объем ограничений права оперативного управления может зависеть от категории субъекта данного права и от вида объекта, на который данное право распространяется¹⁰.

Представляется, что предложения, высказанные в Концепции развития гражданского законодательства и реализованные в Проекте изменений ГК, превратят право оперативного управления в рамочное вещное право, в рамках которого можно будет создавать ad hoc вещные права, пусть даже со статусом «подвидовых подразделений», рассчитанные на применения к одному единственному субъекту. Первые шаги на этом пути были, на наш взгляд, сделаны еще в 2010 году с внесением, в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений, изменений в ст. 120, 298 ГК, а также в Закон о некоммерческих организациях. Делению учреждений на частные и государственные, а последних, в свою очередь, на автономные, бюджетные и казенные учреждения, сопутствовала дифференциация прав на закрепленное за ними имущество. Таким образом, уже сегодня мы говорим о как минимум пяти разновидностях права оперативного управления: право оперативного управления казенных предприятий, право оперативного управления частных учреждений, право оперативного управления государственных учреждений, в рамках которого, можно выделить право оперативного управления казенных учреждений, право оперативного управления бюджетных учреждений и право оперативного управления автономных учреждений. Объем правомочий в рамках рассматриваемых прав, как и предлагалось в Концепции, зависит от категории субъекта права. Дифференциация права оперативного управления в рамках учреждения, поставили под сомнение единство рассматриваемой формы юридического лица. В основе выделения любой организационно-правовой формы лежит единство общей специфики четырех признаков юридического лица: организационной и имущественной обособленности, самостоятельной ответственности и выступления в имущественном обороте от своего имени. Применительно к рассматриваемым субъектам необходимое единство отсутствует, по причине различной степени имуществен-

ной обособленности каждого из видов учреждения, в связи с чем понятие «учреждение» становится лишь обобщающей правовой категорией, по сути, объединяющей в себе четыре различные организационно-правовые формы.

В современной юридической литературе весьма распространено мнение об устаревании конструкций таких ограниченных вещных прав, как право хозяйственного ведения и право оперативного управления. При этом отмечается их социалистическая природа, принадлежность к иной правовой системе, построенной на государственном регулировании экономической деятельности, а также указывается на несоответствие рассматриваемых конструкций потребностям гражданского оборота, основанного на рыночном хозяйстве¹¹. Однако представляется, что причиной трактовки рассматриваемых вещных прав в качестве «социалистического пережитка» является не столько их законодательная конструкция, сколько теория, породившая данные вещные права и объяснившая их происхождение.

Право оперативного управления и право хозяйственного ведения намного ближе к праву собственности, чем это принято отмечать в юридической литературе. Рассматриваемая конструкция не только не противопоставляется праву собственности, но строится на его фундаменте, имея больше отличий от других ограниченных вещных прав, чем от права собственности. Еще в советской юридической литературе отмечалась направленность права оперативного управления на реализацию права собственности, а не на его обременение, что характерно для ограниченных вещных прав¹². Институт права оперативного управления, вслед за институтом права собственности, призван обособить в гражданском обороте имущество одного субъекта от имущества всех прочих субъектов гражданского права, что прямо следует из п.1 ст. 48 ГК. Именно это позволяет Д.В. Петрову выделить особую категорию вещных прав – прав обособления собственного имущества: «если кто-либо не может владеть имуществом ни на праве собственности, ни на праве хозяйственного ведения, ни на праве оперативного управления, значит, этот некто не может быть признан субъектом права»¹³. Право оперативного управления и

¹¹ См., например: Суханов Е.А. Развитие института вещных прав при переходе к рынку // Гражданское право России – частное право. М., 2008. С. 197–198.

¹² См.: Иоффе О.С. Цивилистическая доктрина промышленного капитализма // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 94–95.

¹³ Петров Д.В. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления. СПб., 2002. С. 85.

¹⁰ См.: Концепция развития гражданского законодательства. М., 2009. С. 99.

право хозяйственного ведения наряду с правом собственности составляют основу правосубъектности отдельных участников гражданского оборота.

В цивилистической литературе принято отмечать, что в отличие от права собственности право оперативного управления: во-первых, зависит от власти собственника имущества; во-вторых, основывается на праве собственности и зависит от него; в-третьих, создание и существование субъектов права оперативного управления возможно постольку, поскольку собственник признает их существование необходимым и целесообразным; в-четвертых, допускает возможность собственника имущества обязать субъекта права оперативного управления исполнить определенное задание и использовать имущество строго по назначению¹⁴. Представляется, однако, что первые два из указанных отличия права оперативного управления от права собственности вытекают из признания законодателем рассматриваемого права ограниченным вещным правом, что само по себе требует критического осмысления. Третье отличие характеризует права учредителя в отношении созданного им юридического лица и не связано с правами на имущество. Что же касается четвертого – то, на наш взгляд, оно носит публично-правовой характер и характеризует не право собственника, а право публичной власти, суверена.

Необходимо разделять две социальные связи в рамках права оперативного управления и права хозяйственного ведения. Они представляют собой не одно, а два правоотношения с разной правовой природой и различным составом участников. Отношение юридического лица и всех остальных субъектов гражданского права, содержание которого заключается в праве юридического лица владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом и в обязанности всех третьих лиц воздержаться от нарушения обозначенного права, представляет собой абсолютное, вещное правоотношение. Причем это отношение ничем не отличается от отношений собственности. Иной характер носит отношение собственника имущества и юридического лица, которое используется в литературе для обоснования зависимости права оперативного управления от права собственности, присвоения ему статуса ограниченного вещного права, вещного права второго порядка¹⁵. Объектом рассматриваемого

отношения является не имущественный комплекс предприятия или учреждения, а деятельность рассматриваемых юридических лиц как самостоятельных хозяйствующих субъектов. В рамках рассматриваемых отношений управомоченное лицо, то есть собственник-учредитель, соединен с конкретным обязанным субъектом – юридическим лицом в лице его органов управления, от которых для удовлетворения интереса управомоченного требуется совершение активных действий, что не позволяет характеризовать их в качестве абсолютных отношений. Не свойственна рассматриваемой социальной связи и твердая определенность прав, характеризующая вещные правоотношения. Конкретизация прав собственника происходит в уставе созданного им юридического лица, в котором они могут получать расширение, по сравнению с перечнем, закрепленным в законе. Представляется, что рассматриваемые нами права публично-правового образования как учредителя унитарного предприятия или учреждения имеют такую же правовую направленность, что права членов (участников) хозяйственных товариществ и обществ, и составляют содержание правоотношений, возникающих по поводу создания, функционирования, реорганизации и ликвидации различного рода юридических лиц, то есть содержание корпоративных отношений. Следовательно, законодательное закрепление положения о сохранении права собственности на имущество, переданное государственным унитарным предприятиям и учреждениям, за публично-правовыми образованиями не имеет теоретического подтверждения. Права, предоставленные учредителю и реализуемые им в отношениях с созданным унитарным предприятием или учреждением, не дают оснований утверждать, что учредитель реализует свое право собственности, в этих правах нет элемента «вещности», они не обладают абсолютным характером. В связи с чем наличие рассматриваемых прав не может использоваться в качестве обоснования сохранения права собственности на имущество за учредителем государственного юридического лица.

Анализ названных социальных связей в качестве отдельных правоотношений, прямо не связанных друг с другом, приводит нас к выводу о том, что правомочия унитарных предприятий и учреждений в отношении закрепленного за ними имущества не имеют принципиальных отличий от правомочий собственника. На наш взгляд, на сегодняшний день нет препятствий для открытого признания субъектов права оперативного управления собственниками своего имущества, кото-

¹⁴ См.: Ахметьянова З.А. Вещное право. М., 2011. С. 179.

¹⁵ См., например: Коновалов А.В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. СПб., 2004. С. 84–88.

рыми они по сути своей и являются. Тем более что отпали идеологические предпосылки теории оперативного управления, в том числе необходимость обосновывать исключительную собственность государства на средства производства. Такая возможность кроется в самой теории оперативного управления, и ее реализация могла бы устранить противоречия, существующие в институте права оперативного управления. В частности, был бы решен вопрос о передаче субъектами этого права при реализации имущества третьим лицам больше прав, чем они имеют сами в отношении отчуждаемого имущества.

Признание за субъектами права оперативного управления и хозяйственного ведения права собственности, безусловно, должно влечь за собой прекращение права учредителей (публично-правовых образований) на переданное рассматриваемым субъектам имущество. Их интересы в отношении государственных юридических лиц и их имущества должны реализовываться в рамках отношений учредителя и юридического лица. Вместе с тем природу рассматриваемых нами прав государственных юридических лиц нельзя назвать частнособственнической, прежде всего в силу того, что усмотрение государственных юридических лиц ограничено возложенными на них публичными функциями, находящими гражданско-правовое выражение в ограничениях их правосубъектности. Названные субъекты действуют в гражданском обороте не в своих интересах, а в публичных интересах. Следовательно, характер их прав полностью соответствует праву публичной собственности.

Действующее российское законодательство не лишено примеров закрепления имущества за юридическими лицами, созданными государством, на праве собственности. Речь, прежде всего, идет о государственных корпорациях, которые в соответствии со ст. 7.1 Закона о некоммерческих организациях признаются собственниками имущества, переданного им Российской Федерацией. В юридической литературе право собственности государственных корпораций принято относить к частной форме права собственности¹⁶,

что во многом предопределено субъектным критерием выделения форм права собственности, в соответствии с которым право собственности всех юридических лиц отнесено к частной форме права собственности¹⁷. Вместе с тем государственные корпорации, так же как рассмотренные нами унитарные предприятия и учреждения, осуществляя право собственности, руководствуются не своим усмотрением, как предписано частным собственникам п. 2 ст. 209 ГК, а целями, ради реализации которых они созданы. Этими целями являются осуществление социальных, управленческих и иных общественно полезных функций. Нацеленность госкорпораций на удовлетворение публичного, а не частнособственнического интереса последовательно прослеживается при анализе целей деятельности, определенных законами о создании отдельных государственных корпораций. В связи с изложенным право собственности на имущество государственных корпораций следует рассматривать в качестве публичной формы права собственности. Предположение о том, что имущество, переданное государственным корпорациям, становится объектом частной собственности¹⁸, а передача им имущества являет собой процедуру «скрытой приватизации»¹⁹, представляется весьма спорным. Фактически имущество не меняет своего целевого назначения, которым остается удовлетворение публичных интересов, после ликвидации юридического лица оно возвращается учредителю и может и дальше использоваться в интересах общества другими субъектами (публично-правовыми образованиями или созданными ими юридическими лицами). Что же касается возможности дальнейшего отчуждения имущества государственной корпорации частным субъектам, представляется, что на него распространяются ограничения ст. 7.1 Закона о некоммерческих организациях, а, следовательно, оно возможно только в рамках реализации целей рассматриваемых

¹⁷ См., например: Семенов А.В., Серегина Т.А. Особенности правового положения государственной корпорации // Право и экономика. 2008. №2. С. 4–9. Аналогичная точка зрения была высказана в Концепции развития гражданского законодательства (См.: Концепция развития гражданского законодательства. С. 70).

¹⁸ См.: Анисимов А.П., Гончаров А.И., Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Неопознанный субъект права собственности // Современное право. 2009. №10. С. 3–7; Никитин А. Как устроена госкорпорация. Новая формула управления страной: делишь ее // Новая газета. 2007. № 86.

¹⁹ См., например: Лазаревский А. Диагноз института госкорпораций // ЭЖ «Юрист». 2008. № 6.

¹⁶ Термин «формы права собственности» не является общепризнанным в юридической литературе. Однако он представляется нам более корректным, чем употребляемый в законодательстве термин «формы собственности», поскольку говоря об отношениях собственности, мы имеем в виду одно из проявлений бытия свободы различных лиц, которое не будучи урегулированным правом не имеет качественных субъектных отличий. Только нормативное регулирование отношений собственности приводит к различному масштабу прав на имущество отдельных субъектов.

юридических лиц. О приватизации же можно говорить только в случае реорганизации государственных корпораций, в частности их преобразования в форму акционерного общества. Именно в возможности реорганизации государственных корпораций скрыт риск перехода их имущества из публичной формы собственности в частную, как это имело место применительно к имуществу ГК «Российские нанотехнологии».

Категория права публичной собственности представляется наиболее перспективной с точки зрения оформления имущественного статуса публичных юридических лиц, как новой организационно-правовой формы коллективных субъектов²⁰. Как показал проведенный анализ, она имеет широкое употребление в современной правовой действительности в рамках оформления имущественного статуса государственных унитарных предприятий, учреждений, государственных корпораций и требует своего теоретического признания и осмысления, в том числе с позиции цивилистики. Вместе с тем на сегодняшний день отсутствует нормативное закрепление конструкции права публичной собственности. Это во многом объясняется формированием норм о формах права собственности в условиях преобладания идеологии, отрицавшей деление права на публичное и частное. Законодателем в основу выделения форм права собственности был положен критерий лица, собственника имущества, что автоматически предопределяет отнесение права собственности любых юридических лиц к частной форме права собственности. Такой подход не соответствует современным реалиям имущественного оборота. Представляется, что

в основу выделения форм права собственности должен быть положен критерий целей использования имущества. При этом право публичной собственности должно получить раскрытие при помощи категории публично-го интереса, которая ограничит усмотрение собственника в реализации правомочий владения, пользования и распоряжения, принадлежащим ему имуществом.

Использование конструкции права публичной собственности для оформления имущественной обособленности публичных юридических лиц позволит создать полноценную основу для правосубъектности рассматриваемых лиц, что невозможно в рамках ограниченных вещных прав, а также обеспечит государственный и общественный интерес в имуществе, переданном публичным юридическим лицам. Только право собственности, как наиболее полное вещное право, может гарантировать полноценный механизм гражданско-правовой ответственности участников имущественного оборота. Создание такого механизма применительно к публичным юридическим лицам является принципиальным ввиду необходимости обеспечения их вступления в имущественный оборот на равных началах с другими субъектами гражданского права, а также повышения интереса третьих лиц к работе с рассматриваемыми субъектами. В условиях рыночного типа хозяйствования основным участником гражданского оборота должен стать собственник имущества, а внимание исследователей должно сосредоточиться не на ограничении имущественных прав публичных юридических лиц, а на создании эффективных механизмов обеспечения прав их учредителей в рамках корпоративных отношений.

²⁰ В юридической литературе отсутствует единый подход к категории публичного юридического лица. Наиболее распространен взгляд на публичное юридическое лицо как на классификационную группу, существующую наряду с частными юридическими лицами (см., например: Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007; Ефимова Л. О правовой природе государственных корпораций // *Хозяйство и право*. 2008. №8. С. 59–68 и др.). Близким к нему является подход, предлагающий закрепить категорию публичных юридических лиц в качестве самостоятельного типа субъектов права (см., например: Тарасов О.И. Понятие и признаки юридического лица публичного права // *Закон*. 2012. №8. С. 103–109). Более перспективным для законодательства, на наш взгляд, является введение категории публичного юридического лица в качестве новой организационно-правовой формы юридического лица. Реализация такого подхода должна сопровождаться отказом от всех форм опосредования юридических лиц, создаваемых публично-правовыми образованиями. В частности, от организационно-правовых форм государственных унитарных предприятий, учреждений, государственных корпораций и др.

Библиография

1. Анисимов А.П., Гончаров А.И., Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Неопознанный субъект права собственности // Современное право. – 2009. – №10. – С. 3–7.
2. Ахметьянова З.А. Вещное право. – М., 2011. – 355 с.
3. Бабаев А.Б. Система вещных прав. – М., 2007. – 380 с.
4. Венедиктов А.В. Право государственной социалистической собственности. – Москва, Ленинград, 1946. – 821 с.
5. Венедиктов А.В. Правовая природа государственного предприятия. – Ленинград, 1928. – 110 с.
6. Ефимова Л. О правовой природе государственных корпораций // Хозяйство и право. – 2008. – №8. – С. 59–68.
7. Иоффе О.С. Цивилистическая доктрина промышленного капитализма // Избранные труды по гражданскому праву. – М., 2000. – 781 с.
8. Коновалов А.В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. – СПб., 2004. – 403 с.
9. Концепция развития гражданского законодательства. – М., 2009. – 155 с.
10. Курс советского хозяйственного права / под ред. Л. Гинзбурга, Е. Пашуканиса. – М., 1935. – 448 с.
11. Лазаревский А. Диагноз института госкорпораций // ЭЖ «Юрист». – 2008. – №6.
12. Мартынов Б.С. Организационные принципы советского предприятия в условиях планирования товарного оборота // Право и жизнь. – 1927. – №3. – С. 30–47.
13. Мозолин В.П. Гражданское право и хозяйственный механизм // Советское государство и право. – 1984. – №5. – С. 18–26.
14. Никитин А. Как устроена госкорпорация. Новая формула управления страной: делишь ее // Новая газета. – 2007. – № 86.
15. Петров Д.В. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления. – СПб., 2002. – 347 с.
16. Семенов А.В., Серегина Т.А. Особенности правового положения государственной корпорации // Право и экономика. – 2008. – №2. – С. 4–9.
17. Суханов Е.А. Развитие института вещных прав при переходе к рынку // Гражданское право России – частное право. – М., 2008. – 585 с.
18. Тарасов О.И. Понятие и признаки юридического лица публичного права // Закон. – 2012. – №8. – С. 103–109.
19. Толстой Ю.К. Социалистическая собственность и оперативное управление // Проблемы гражданского права / под ред. Ю.К. Толстого, А.К. Юрченко, Н.Д. Егорова. – Ленинград, 1987. – 201 с.
20. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. – М., 2007 – 349 с.

References

1. Anisimov A.P., Goncharov A.I., Ryzhenkov A.Ya., Chernomorets A.E. Neopoznanniy sub'ekt prava sobstvennosti // Sovremennoe pravo. – 2009. – №10. – S. 3–7.
2. Akhmet'yanova Z.A. Veshchnoe pravo. – M., 2011. – 355 s.
3. Babaev A.B. Sistema veshchnykh prav. – M., 2007. – 380 s.
4. Venediktov A.V. Pravo gosudarstvennoy sotsialisticheskoy sobstvennosti. – Moskva, Leningrad, 1946. – 821 s.
5. Venediktov A.V. Pravovaya priroda gosudarstvennoy predpriyatiya. – Leningrad, 1928. – 110 s.
6. Efimova L. O pravovoi prirode gosudarstvennykh korporatsii // Khozyaistvo i pravo. – 2008. – №8. – S. 59–68.
7. Ioffe O.S. Tsivilisticheskaya doktrina promyshlennogo kapitalizma // Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. – M., 2000. – 781 s.
8. Kononov A.V. Vladenie i vladel'cheskaya zashchita v grazhdanskom prave. – SPb., 2004. – 403 s.
9. Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva. – M., 2009. – 155 s.
10. Kurs sovetskogo khozyaistvennogo prava / pod red. L. Ginzburga, E. Pashukanisa. – M., 1935. – 448 s.
11. Lazarevskii A. Diagnostika goskorporatsii // EZh «Yurist». – 2008. – №6.
12. Martynov B.S. Organizatsionnye printsipy sovetskogo predpriyatiya v usloviyakh planirovaniya tovarnogo oborota // Pravo i zhizn'. – 1927. – №3. – S. 30–47.
13. Mozolin V.P. Grazhdanskoe pravo i khozyaistvennyi mekhanizm // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1984. – №5. – S. 18–26.
14. Nikitin A. Kak ustroena goskorporatsiya. Novaya formula upravleniya stranoi: delish' ee // Novaya gazeta. – 2007. – № 86.
15. Petrov D.V. Pravo khozyaistvennogo vedeniya i pravo operativnogo upravleniya. – SPb., 2002. – 347 s.;
16. Semenov A.V., Seregina T.A. Osobennosti pravovogo polozheniya gosudarstvennoy korporatsii // Pravo i ekonomika. – 2008. – №2. – S. 4–9.
17. Sukhanov E.A. Razvitie instituta veshchnykh prav pri perekhode k rynku // Grazhdanskoe pravo Rossii – chastnoe pravo. – M., 2008. – 585 s.
18. Tarasov O.I. Ponyatie i priznaki yuridicheskogo litsa publichnogo prava // Zakon. – 2012. – №8. – S. 103–109.
19. Tolstoi Yu.K. Sotsialisticheskaya sobstvennost' i operativnoe upravlenie // Problemy grazhdanskogo prava / pod red. Yu.K. Tolstogo, A.K. Yurchenko, N.D. Egorova. – Leningrad, 1987. – 201 s.
20. Chirkin V.E. Yuridicheskoe litso publichnogo prava. – M., 2007–349 s.

Материал поступил в редакцию 23 февраля 2014 г.